

Руань И проснулся только на следующее утро.

Стоило ему потереть глаза, как проснулся и лежавший рядом человек.

Лу Бинчэнь что-то пробормотал и, сгребя Руань И за талию, лениво уткнулся ему в грудь:

— Спать хочу... Давай ещё немного попозже встанем.

Горячая ладонь скользнула по животу. Руань И рефлекторно отшатнулся к стене, и Лу Бинчэнь соскользнул с его груди.

Тот, кто ещё секунду назад сонно щурился, мгновенно очнулся. Распахнув глаза, Бинчэнь уставился на образовавшуюся между ними пустоту. Его взгляд тёмнел на глазах, становясь тяжёлым, непроницаемым.

Спустя мгновение Лу Бинчэнь едва заметно ухмыльнулся, повернулся и молча встал с кровати. Натянув одежду, он дёрнул дверную ручку и вышел.

Руань И провёл его взглядом. На табурете у изголовья стоял таз с водой, на краю которого висело небольшое махровое полотенце. Сквозь сон он и впрямь смутно помнил, как кто-то всю ночь менял ему холодные компрессы. Похоже, Лу Бинчэнь ради него и глаз за ночь не сомкнул.

Руань И сел на постели и с силой зажал пальцами переносицу.

Этот уязвлённый, обиженный взгляд стоял перед глазами, и с каждой секундой на душе становилось всё сквернее.

Да, Лу Бинчэнь любил его, но ничего ему не был должен. С самого момента перерождения Руань И не уставал твердить себе: тот Лу Бинчэнь, что предавал и причинял боль, остался в прошлой жизни. Перед ним — совсем другой человек.

А ведь раньше он сваливал их в одну кучу. Потому и отверг его без тени жалости при первой же встрече, едва Лу Бинчэнь проявил к нему хоть малейший интерес. Он сопротивлялся его приближению так же отчаянно, как сопротивлялся собственной сломанной судьбе.

Но с самого первого дня новой жизни всё, что происходило между ними, шло по иному сценарию.

Каждая мелочь твердила: всё изменилось.

Линия судьбы свернула в сторону, да и сам Лу Бинчэнь был иным. Переносить обиды прошлого на настоящее, выплёскивать старую боль на юношу, который вообще ничего не понимал, — разве это честно?

Он прекрасно понимал: в этой жизни им не быть вместе. Ни о каких чувствах не могло идти и речи. Но зачем же бить со всего размаху?

Этот парень просто увлёкся им. Пусть влюблённость глупа и поверхностна, пусть это лишь каприз избалованного богача, не привыкшего получать отказы, но ведь сам по себе Лу Бинчэнь пока не совершил ничего дурного.

Руань И впервые почувствовал, что зашёл в тупик.

Пройдя через унижения, испытав предательство человека, которого любил больше жизни, и заплатив собственным перечёркнутым прошлым за ту неудачную любовь... он просто физически не мог пересилить глубокую, въевшуюся под кожу неприязнь к Лу Бинчэню.

В обычные дни ещё удавалось держать себя в руках, но вчерашняя лихорадка ослабила самоконтроль, и отторжение вырвалось наружу. Вообще-то он не отличался чрезмерной брезгливостью к чужим прикосновениям, но рядом с Лу Бинчэнем не мог выдавить из себя даже капли хладнокровия.

Прикрыв глаза, Руань И спросил себя:

«А стоит ли оно того? На самом ли деле стоит?»

Сжав кулаки, он решительно поднялся, распахнул дверь и вышел в гостиную.

Лу Бинчэнь молча сидел на диване. Длинным ногам было явно тесно у низкого столика. Яркое утреннее солнце обрисовывало золотом профиль, выхватывая сквозившую в каждой черте усталость. На миг он показался Руань И совсем беспомощным.

Подойдя ближе, Руань И тихо начал:

— Лу Бинчэнь, насчёт того, что произошло...

Тот медленно повернул голову. Смоляные глаза чуть блеснули, фиксируя каждый его жест.

От этого взгляда, полного обиды и глухой печали, у Руань И сжалось сердце. Да, Лу Бинчэнь мастерски умел прикидываться несчастным, давя на жалость, но вчера он искренне заботился о нём, а утренний выпад действительно выбил юношу из колеи.

Тихо вздохнув, Руань И произнёс:

— Спасибо, что выхаживал меня ночью. Правда, я очень ценю это. Но между нами...

Он сделал паузу:

— Ничего быть не может.

— Я не набиваю себе цену и не играю в недотрогу. Скажу прямо, раз и навсегда: выбрось эти мысли из головы.

Пока он говорил, сердце казалось прибрежным утёсом. Набегавшие волны до капли пропитывали каждую трещину и медленно отступали. Острой боли не было — только этот неспешный, бесконечный прилив и отлив, от которого время растягивалось до предела.

В этой затянувшейся паузе Руань И на секунду отвлёкся. Если бы в той жизни не случилось роковой аварии, если бы он остался жив, реагировать на Лу Бинчэня сейчас было бы куда проще.

Будь то его прежняя жизнь, он бы заставил себя вырвать Лу Бинчэня из сердца с корнем. Пусть через адскую боль, пусть на грани безумия, но он бы справился.

Но как поступить теперь, глядя на этого мальчишку, чья душа ещё чиста, словно нетронутый лист бумаги? Руань И просто не знал.

Пока он стоял, погружённый в мысли, неожиданно раздался дверной звонок.

Из-за двери донёсся нерешительный, тихий голос:

— Руань И, это Линь Хэлай. Ты дома?

Не успел Руань И сделать и шага, как Лу Бинчэнь резво поднялся, подошёл к двери и настежь распахнул её.

За порогом стоял Линь Хэлай. В одной руке он держал пакет с лекарствами, в другой — контейнер с горячей овощной кашей. Стоило двери открыться, как робкая улыбка застыла на его лице.

Он никак не ожидал увидеть незнакомого парня.

Излишне красивое лицо незнакомца искажала нескрываемая лютая злоба. Тот одарил гостя

ледяным, пронизывающим взглядом.

Хэлай вздрогнул под этим нажимом:

— С-скажите, пожалуйста... а Руань И дома?

Лу Бинчэнь прищурился, и его взгляд, словно лезвие, с хрустом прошёлся по телу Линь Хэлая, методично описывая каждый сантиметр.

Личико бледное, симпатичное, а сам тощий и хрупкий, не в пример большинству сверстников — за запястье хватать, и переломится. А уж когда испуганно хлопает своими круглыми глазищами, жалостливый вид и впрямь может вызвать у кого-нибудь желание его защитить.

Бинчэнь скользнул взором по аккуратному носику и острому подбородку. И от мысли, что эта физиономия строит из себя невинную овечку перед Руань И, от мысли, что Руань И гнал его, Бинчэня, в шею, но раз за разом заступался за этого заморыша, внутри закипела звериная, неконтролируемая ярость.

Даже не пытаясь скрыть ядовитую злобу, он процедил:

— Так это ты Линь Хэлай.

Чувствуя, что атмосфера накаляется, Руань И поспешно шагнул вперёд, вставая между ними:

— Всё верно, заходи.

Он догадывался, отчего Лу Бинчэнь так взъелся на Хэлая. Руань И регулярно давал Бинчэню от ворот поворот, зато Линь Хэлаю помогал по собственной инициативе. Учитывая гордыню Бинчэня, странно было бы ждать от него симпатии.

Но такой откровенной ненависти Руань И никак не ожидал.

Сжимаясь под мёртвенным взглядом Бинчэня, Линь Хэлай опустил голову:

— Я... я принёс лекарства и позавтракать...

Собрав остатки храбрости, он сделал пару шагов и поставил пакетик с контейнером на стол.

Руань И только собрался поблагодарить, как Лу Бинчэнь его опередил:

— Откуда у тебя адрес?

Решимость Хэлая мигом улетучилась; он испуганно уставился в пол, не смея вымолвить ни слова.

Голос Бинчэня стал ещё холоднее:

— Я спросил, откуда ты узнал его адрес?

Руань И почувствовал, как напряглась спина. Если честно, Лу Бинчэнь редко вёл себя столь вызывающе нагло. С кем бы ему ни приходилось сталкиваться раньше и в какие бы переделки он ни попадал, он всегда сохранял невозмутимость.

Это выглядело дико. Руань И инстинктивно заслонил собой Линь Хэлая и предупреждающе произнёс:

— Лу Бинчэнь.

В глазах Бинчэня мгновенно закипели кровавые прожилки.

Уставившись на Руань И, он едва слышно прошептал:

— Ты его защищаешь.

Этот шёпот прозвучал тихо, точно хрустнула льдина на замёрзшей реке — едва заметный треск, предвещающий неизбежное обрушение всего ледяного панциря.

Обида и ярость от бесконечных отказов, копившиеся недели напролёт, вспыхнули внутри сметливым пожаром. Бинчэнь наяву чувствовал, как выгорает и скручивается каждый нерв. Преодолевая дикую, разрывающую грудь боль, он вытянул руку и ткнул пальцем в сторону Линь Хэлая.

— Ты думаешь, я его трону? — выдохнул он.

Линь Хэлай оцепенел от ужаса. Давящая аура этого человека не шла ни в какое сравнение с замашками Чжан Цзымина, Вэнь Цзыхао или прочих хулиганов, издевавшихся над ним в прошлом. Бинчэнь даже не удосужился взглянуть на него, но всепоглощающий страх уже парализовал дыхание.

А Лу Бинчэнь тем временем медленно шагнул к Руань И.

Он подошёл вплотную, наклонился, почти касаясь своим носом его носа. Тень его высокой фигуры накрыла Руань И, точно решётка клетки, но по налитым кровью глазам казалось, будто не он удерживал кого-то, а он сам оказался в капкане.

— Ты думал, я сунусь к нему?! — выплюнул он с диким хрипом, процеживая каждое слово.

В эту секунду он и вправду был готов разорвать Линь Хэлая на куски.

Он ни разу в жизни не сталкивался с подобным: когда перед ним и кем-то ещё Руань И без колебаний выставял щит против него.

Никогда.

Ни единого раза.

Пальцы Бинчэня онемели. Руки в карманах сжались в кулаки так истово и долго, что мышцы не выдержали предельного напряжения и затрепетали.

На тыльной стороне ладоней вздулись и мелкой дрожью заходили синие жилы.

Гордость Лу Бинчэня не позволяла выдать ни капли слабости. Распрямив плечи, он выдавил из себя ухмылку. В ней не было ни грамма тепла — Руань И показалось, что эта оскаленная мина дышит лишь надменным, беспощадным холодом.

— Руань И, запомни, — тихо сказал он. — Этот слизняк мизинца моего не стоит, чтобы я марал о него руки.

Он сделал паузу:

— И ещё... Захоти я его раздавить — ты правда веришь, что сможешь помешать?

С этими словами он резким движением отвернулся, хлопнул дверью так, что задрожали стены, и был таков.

Линь Хэлай вдруг вспомнил, что уже встречал этого парня. В тот день, когда Руань И вступился за него перед Демоницей Яо Сяоянь и был выгнан из класса, Хэлай побежал следом, чтобы поблагодарить, и у лестницы разминутся с этим юношей. Тогда Хэлай успел лишь скользнуть по нему беглым взглядом.

И тот единственный взгляд заставил его обомлеть от слепящей красоты незнакомца и одновременно содрогнуться от исходящей от него могильной стужи.

— Руань И, я... я ничего такого не имел в виду, — едва слышно пробормотал Хэлай. — Просто хотел узнать, как ты. Адрес спросил у учителя Чжэна... Прости, я... я снова тебя втянул в неприятности, да?

Он опустил голову, пробежался виноватым взором по Руань И и уткнулся глазами в собственные носки туфель.

— Не за что извиняться, ты тут ни при чём. У нас с ним свои счёты.

Линь Хэлай подвинул ближе пакетик:

— Тут лекарства без снотворного эффекта. Примешь — и на уроках клонить в сон не будет.

— Спасибо.

Широко шагая по гинкговой аллее Шестой средней школы, Лу Бинчэнь ловил лицом прохладные порывы раннеосеннего ветра. Взгляд оставался ледяным. Прошло немало времени, прежде чем бешеный, глухой угар в груди стал немного утихать.

Он прекрасно понимал: увидь эту сцену его дед, старший брат или вассалы семьи Лу, они б сгорели от стыда. С малых лет его учили хранить хладнокровие перед лицом любых бурь. Он всегда идеально справлялся с этой задачей... а только что потерял лицо.

Потерял контроль. Из-за сущих пустяков, из-за какого-то ничтожества, на которое в иной ситуации и взгляда б не растратил.

Прикрыв веки, Лу Бинчэнь вытащил телефон и набрал номер:

— Соберите всё на Линь Хэлая.

— Будет исполнено.

<http://bllate.org/book/20540/2145801>